

DOI 10.15826/qr.2016.4.189

УДК 930(470)"4968"+327.54+327.8(73:470)

**1968: ONE YEAR IN THE LIFE OF A SOVIET
AMERICANIST, OR AMERICAN INFLUENCE AT HOME
AND ABROAD DURING THE COLD WAR***

(Part 2)**

Sergei Zhuk

Ball State University,
Muncie, Indiana, USA

This essay is based on the author's recent research about American studies in the Soviet Union during the Cold War. Using various archival documents, personal papers, diaries, memoirs, contemporary periodicals, and more than 70 interviews, this essay explores how one year, 1968, changed the life of Nikolay N. Bolkhovitinov (1930–2008), a Soviet historian and the author of pioneering studies on Russo-American relations. During this year, Bolkhovitinov used funding from the American Council of Learned Societies (ACLS) to support his first research trip to the USA, where he intended not only to discover 'the real America' through various forms of cultural consumption, but also to build his international reputation as a historian of early America and an expert in Russo-American relations.

Keywords: American studies; knowledge production; US-Soviet relations; Cold War.

Очерк основан на материалах нового исследования автора по истории советской американистики времен холодной войны. С использованием различных архивных документов, личной переписки, дневников, мемуаров, современных периодических изданий и более 70 интервью в очерке исследуется, как события 1968 г. изменили течение жизни Николая Болховитинова (1930–2008), советского историка, автора оригинальных исследований начала истории российско-американских отношений. В указанный год Болховитинов благодаря финансированию Американского совета ученых обществ совершил научную поездку в США, за время которой он не только открыл для себя реальную Америку через

* *Citation:* Zhuk, S. (2016). 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War (Part 2). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 19–46. DOI 10.15826/qr.2016.4.189.

Цитирование: Zhuk S. 1968: One Year in the Life of a Soviet Americanist, or American Influence at Home and Abroad during the Cold War (Part 2) // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 19–46. DOI 10.15826/qr.2016.4.189.

** The first part of the article is available in: *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. N 2. P. 15–44.

различные формы культурного потребления, но и начал создавать себе международную репутацию историка ранней Америки и эксперта по истории российско-американских отношений.

Ключевые слова: советская американистика; производство знания; советско-американские отношения; холодная война.

Discovering Academic and Everyday America

The Bolkhovitinov's first day in New York City in February 1968 caused a real cultural shock. As he recalled later:

Everything here in America smelled, sounded, and looked different... I still remember the fresh smell of flowers in a public toilet in the airport. And this smell was very attractive compared to the stinking restrooms in Sheremetievo [airport]. All the American people looked so friendly and ready to help that I fell in love with the American nation from this first contact with them at New York Airport.¹

Nikolai Bolkhovitinov made serious preparations for his trip. As early as May 1967, he had already composed a detailed plan for his research expedition to America. Moreover, Bolkhovitinov prepared in advance a special lecture about the 'historical developments in Soviet studies of US history' for a presentation and discussed this text with his colleagues from the Institute of History. By December 1967, his research plan and lecture were approved by Sevostianov and the international department [БОЛХОВИТИНОВ, б. г., с 49, 50]. Bolkhovitinov hoped that he would be able to find interesting material in the US on the country's contemporary history, and not only the ones mentioned in his official research plan. Later on, he wrote:

...To look for rare and unknown archival documents and rare old publications exclusively on the history of the Russo-American relations during the first half of the 19th century.²

As Bolkhovitinov explained later to his American colleagues, his dearest wish was to get access to the US National Archives and look through the documents covering various problems in modern American history. However, because he was afraid of the KGB's control over his travel plans, Bolkhovitinov emphasised that he would only be examining 'the history of the diplomatic relations for a very narrow chronological period' in his research proposal. According to some of his American friends, like David Goldfrank and Richard Stites from Georgetown University, Bolkhovitinov used his 'diplomatic' research topic as a pretext to gain access to archival files on contem-

¹ Interview with Nikolai Bolkhovitinov, 10 July 2004, Moscow (here and further on in the article, unless indicated otherwise, all the interviews of N. Bolkhovitinov and his colleagues are cited from recordings kept in the author's private collection). Interviews and letters translated by me. – S. Zh.

² Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow.

porary history as well, especially in the National Archives.³ To some extent, Bolkhovitinov succeeded in fulfilling his research plans. He visited the collections of the New York Public Library, the New York Historical Society, the libraries of Columbia University, the Massachusetts Historical Society, the Boston Athenæum, Harvard University's Widener and Houghton Libraries, the Essex Institute and Peabody Essex Museum in Salem, Cornell University's library, the American Philosophical Society and the Historical Society of Pennsylvania in Philadelphia, the National Archives, the Library of Congress and Smithsonian Institute in Washington, D. C., the Newberry Library in Chicago, the Bancroft Library at the University of California, Berkeley, and the Hoover Institution Library [Болховитинов, 1971, с. 329–330].

This to the United States completely changed not only Bolkhovitinov's sceptical perception of the 'country which killed its best politicians like Kennedy', but also his understanding of the nature of the 'historian's craft' and 'the methodology of collecting and analysing historical sources.'⁴ First of all, Bolkhovitinov discovered very different and very democratic relations among his American colleagues. As he recalled later, he was especially impressed by the easy accessibility and simple democratic attitudes of the prominent American historians who had already become academic celebrities in his imagination. In contrast to the snobbish Soviet representatives of the academic hierarchy, these famous American scholars were not only easy to approach, but also were ready to share and discuss their research, resources, and archival findings with him. Among many US historians who became good friends of Bolkhovitinov during his first trip, there were scholars like Richard Morris from Columbia (an expert on the colonial period of US history), Richard Hofstadter from Columbia (an intellectual and political historian), Oscar Handlin from Harvard (a specialist on the history of migration and US cultural history), Bernard Bailyn from Harvard (a historian specialising in US colonial- and revolutionary-era history), Dexter Perkins from the University of Rochester (an expert on US diplomatic history, especially the Monroe Doctrine), William Langer from Harvard (another authority on 19th-century diplomacy), and David Brion Davis from Cornell (a US cultural historian and an expert on the history of slavery). Bolkhovitinov discussed with them the major problems which interested him in US modern history: the genesis of US capitalism in the 18th and 19th centuries, the American War of Independence, the Anglo-American War of 1812, the Monroe Doctrine, Jacksonian Democracy, and the role of the western 'frontier' in US history [Болховитинов, 1971, с. 329–330, 337].

Bolkhovitinov witnessed the beginning of the epistemological revolution in American historiography and the birth of new fields of historical knowledge [Novick]. He was especially impressed by the flourishing of

³ As David Goldfrank noted, 'regarding Bolkhovitinov's choosing to research the earliest US-Russian relations (1763–1815, pre Monroe Doctrine), he told me in the 90's that he did this to have an excuse to get to the US, ostensibly to use the National Archives, but for much broader reasons.' Quoted from David Goldfrank's letter to me, August 23, 2013.

⁴ Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow.

the so-called 'new economic history'. He began collecting facts about these developments and tried to bring this information to the Soviet Union. He discovered that Soviet historiography was not only lagging behind the new developments theoretically, given its sole focus on orthodox Marxist approaches, but also technologically and methodologically, since it was ignoring new systems for the dissemination of historical information (Xerox etc.). In his academic reports after his trip, Bolkhovitinov strongly recommended that Soviet research libraries organise a system for acquiring microfilm copies of American dissertations and buying various reference publications such as *Dissertation Abstracts* and *The Bobbs-Merrill Reprint Series in American History*. Bolkhovitinov was surprised to see that every American history professor had his or her own office equipped with reference literature, catalogues, and machines for reading microfilms: they also had free access not only to printers, but also to copy machines. He explained to his Soviet colleagues after his visit:

I was shocked, to discover that major American libraries have free access to their book collections and provide copy machines for everybody, therefore you do not need to write notes by hand from a book or document because you can copy/XEROX anything you need, save your time, and avoid the mistakes which sometimes occur during hand writing [Болховитинов, 1971, с. 336–338].

Bolkhovitinov came to America with an established reputation as a serious historian: he visited the major research centres and archival collections on both the East and West coasts, gave public lectures, and met American colleagues, impressing them with his erudition and knowledge of the historical material. As Professor Jack P. Greene from Johns Hopkins University noted, 'I think the only serious Soviet scholar of modern US history who visited the United States during the *détente* was Bolkhovitinov.'⁵ Many American historians who knew Bolkhovitinov's research on the early history of Russo-American relations noted that the real 'academic *détente*' between Soviet and American societies began as a result of Bolkhovitinov's 'decent and honest' work. In 1975, Lyman Henry Butterfield used the following terms to describe Bolkhovitinov's contribution to the politics of *détente* when presenting an American edition of a book by the Soviet historian from 1966:

When shall we achieve a veritable *détente*, running unobstructedly in both directions, in archival and historical activities which will parallel that which has now at least begun in space science? The benefits to knowledge on both sides are manifest everywhere in the pages of this book. The product of indefatigable labor, fine organizational skill, and acute scholarly judgments, it throws beams of light on obscure chapters in the history of two nations still struggling to understand each other [Butterfield, p. 18].

⁵ My conversation with Jack P. Greene, 15 September 1998, Baltimore. During my conversations with other prominent American historians like Bernard Bailyn, Walter LaFeber, John L. Gaddis, and Norman Saul, I heard similar evaluations of Bolkhovitinov.

On 28 March 1968, the administration of the Massachusetts Historical Society and the editors of the Harvard University Press organised a special reception to honour the young Soviet historian during his visit to Boston. As Bolkhovitinov noted in his memoirs, 'this reception would be impressed on [his] memory forever' [Болховитинов, б. г., с. 50]. Butterfield, Thomas Boylston Adams, a descendent of the Adams family, and Mark Carroll, director of Harvard University Press, opened this reception by praising Bolkhovitinov's research on the early history of Russo-American relations and his findings in the Soviet archives about Russia and the Adams family described in his 1966 book. After this warm and friendly introduction, Bolkhovitinov delivered his long and detailed lecture about the history of American studies in the USSR. At the end of his presentation, Bolkhovitinov especially emphasised the major idea of his book:

I do not intend to present an idealized picture and create an impression that no disagreement or antagonism existed between Russia and America... The lesson of Russian-American relations consists not in the absence of differences and conflicts, but in the fact that history testifies to the possibility of overcoming them – not with the help of weapons, but peacefully, by means of negotiation [op. cit.: Butterfield, p. 16].⁶

The historians from Harvard University decided to translate his book into English and publish it in the United States: Robert Webb, the editor-in-chief of the prestigious *American Historical Review*, proposed to publish his lecture in the journal.

Bolkhovitinov clearly understood that the official version of his lecture was 'very formal, colourless and ideologically biased.' He had always been afraid of the KGB agents observing him in America, and that is why he tried to avoid any criticism of Soviet historiography. As such, Bolkhovitinov agreed to publish his lecture without any changes, thereby trying to avoid conflict with the Soviet authorities. When Webb offered to pay him for the publication of this lecture, Bolkhovitinov suggested that he send recently published books about US history to Moscow instead. Eventually, in 1969, Bolkhovitinov received the first big package with recent publications by American scholars. As Bolkhovitinov joked later, this 'my first trip to America led to the foundation' of a unique personal book collection devoted to American history [Болховитинов, б. г., с. 47–48, 49–50].

During his two visits to New York, one in February and the other in August 1968, Bolkhovitinov was approached by the administration of the International Arts and Science Press, including its publisher Myron Sharpe, the administrative editor Fred Ablin, and Paul Aron, an editor of *Soviet Studies in History* who arranged the special meetings with the Soviet visitor.

⁶ His book *Stanovlenie russko-amerikanskikh otnoshenii, 1775–1815* (Moscow: Nauka, 1966), was translated and published only in 1975 [Bolkhovitinov, 1975]. The article mentioned was [Bolkhovitinov, 1969]. The information about Bolkhovitinov's presentation also appeared in *Boston Herald Traveler*, April 22, 1968.

After long conversations with the representatives of the International Arts and Science Press, Bolkhovitinov realised that these people sympathised with 'the communist cause' of the Soviet Union and that all of them had very radical 'leftist' ideas. Despite preconceived Soviet notions of 'reactionary bourgeois historiography' in the United States, Bolkhovitinov saw a 'more varied and more sophisticated picture of history writing among American historians', all of whom had very different historical concepts and philosophical interpretations.⁷

As it turned out, Paul Aron had been a victim of the persecution initiated by the US House of Representatives' Committee on Un-American Activities during the 1950s, and had had to quit his academic career. William Mandel, an interpreter for the International Arts and Science Press and one of Aron's colleagues, shared a similar fate and lost his position as a research fellow at Stanford University's Hoover Institution. Despite all these punishments and persecutions, neither Aron nor Mandel changed their views: they openly supported the politics of the Soviet Union by publishing pro-Soviet materials in the American press and expressing criticism of US diplomacy on American radio and television. A month before Bolkhovitinov's arrival in the United States, Mandel signed the 'Writers and Editors War Tax Protest' pledge, vowing to refuse to pay tax in protest against the Vietnam War [Writers and Editors War Tax Protest].

As Bolkhovitinov noted later in his official academic report:

I was pleasantly surprised by the wide spread of radical notions among American intellectuals, especially among college students, professors, and other university instructors. It was impressively revealed on the campuses of Cornell University (Ithaca) and the University of California at Berkeley. Thus, [young] Professor Walter LaFeber, a former student of Professor William Appleman Williams and the author of [the revisionist] book [critical of US imperialism] *The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898*, became a chair of the history department at Cornell in 1968. Even during the very first meeting upon my arrival at Cornell campus on 11 March 1968, it became obvious that the majority of those who met me (W. LaFeber, T. McCormick, Joel Silbey, and others) were of 'the New Left', and all the students in the university dormitory, where I lived, were decisive opponents of Vietnam War and supporters of Senator Eugene McCarthy. Regarding Berkeley, at the beginning of the summer of 1968 there was a real *war between the students and police on the streets of this town*. Overall, this unusual political activity of the American youth, especially among college students, made the most lasting and unforgettable impression on my memory from the entire trip in the United States [Болховитинов, 1971, с. 340–341].

Bolkhovitinov recalled how he was affected by the personal contacts with American colleagues during this trip. He was very impressed upon reading materials by the Columbia historian Richard Hofstadter, especially his thesis

⁷ Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow.

on 'Conflict and Consensus in American History.' Another lasting influence came from the contacts with L. H. Butterfield, which had started in 1965 in Moscow and developed strongly during Bolkhovitinov's visit to Boston. Butterfield, a legendary editor of the *Adams Papers*, was the son-in-law of the famous American investment banker, businessman, and philanthropist Cyrus S. Eaton, who funded and helped to organise the Pugwash Conferences on World Peace in 1955. Bolkhovitinov stayed at Butterfield's house, the large personal library and rare book collections of which 'could be compared only with the collection of the Massachusetts Historical Society itself.'⁸

Many Soviet Americanists noted how important personal contacts with Americans were for their own 'personal discovery' of America and the construction of mental images of American society and culture. Americanists like Bolkhovitinov and Fursenko acknowledged that living with Americans in both their homes and the student dorms did more than just establish academic relations with American colleagues. Bolkhovitinov recalled how, in 1968, when staying in the dorm of Cornell University, he spent the nights talking with local students, discussing political and cultural problems such as Vietnam War, music etc. [БОЛХОВИТИНОВ, 1971, с. 338; Он же, 1997, с. 73–74]. He saw 'how talented these young members of American society were' and 'how they were capable of critical self-analysis and self-government.' 'They were more self-efficient and self-reliant than our Soviet youth,' recalled Bolkhovitinov after witnessing American college students, 'organising their own meetings, dancing parties and keeping order and respect for human dignity for everyone without any of the hierarchical distinctions which were typical for Soviet society' in those days [БОЛХОВИТИНОВ, б. г., с. 50–51].⁹

As Bolkhovitinov recalled in 2005,

...An unforgettable impression [on me] was produced by the two weeks of my life which I spent together with a representative of the American youth, sharing a dorm room with one student from the Telluride Association at Cornell University. We had long conversations with him, lasting long after midnight. Personal contacts with this student made me revise my first impression about the weakness of American society and convinced me that this society, despite some indications of its inner disintegration and decline, at its foundation was still very firm, full of strength and moral health... [Там же, с. 50].

Another important discovery for Bolkhovitinov was the accessibility of information in America. A Soviet visitor could not only find and use any scholarly book or magazine article published in any language for his own research in the university libraries and special collections, but could also read 'forbidden (in the USSR) literature,' including Solzhenitsyn's publications and Khrushchev's 'secret speech' at the 20th CPSU Congress in 1956. Bolkhovitinov recalled in 1991:

⁸ Bolkhovitinov's letter, 12 May 1996, Moscow. See also: [Rotblat; Brown].

⁹ Compare with my interview with N. Bolkhovitinov, 2 June 2001, Moscow.

I remember how I was devouring various pieces of Solzhenitsyn's novel in American journals such as the *New Yorker*, forgetting completely about the documents and the piles of old books that were brought by librarians for my research. I never read the entire novel in 1968. Only later in August, a few days before my departure for Moscow, I realised finally that this novel was published in English (in its shortened version) as a book. I tried to find this edition but I failed. Paradoxically, only after my return to Moscow was I able to listen to the entire text of Solzhenitsyn's masterpiece, which was broadcast by the Voice of America on the radio.¹⁰

Discovering His Own Identity in America

During his first visit, Bolkhovitinov also had the opportunity to closely follow developments in the Soviet bloc, especially in Czechoslovakia, via television and other media. He recalled later:

Before leaving Moscow for the United States, I had already followed the events in Prague, listening to the foreign radio stations but now in America I appreciated easy access to visual information about the 'Prague Spring' on American television. Through March to August 1968, I had my first 'anti-socialist therapy' via images of anti-Soviet demonstrations. Suddenly, I realised that the Soviet army again, as in 1956 in Hungary, could be an aggressor trying to suppress a free socialist nation and stop its democratic reforms... At the same time, I felt bad and, to some extent, offended by the torrent of anti-Soviet information on American TV screens, with misrepresentation of historical facts and the complete ignorance of the Russian historical past demonstrated by both American journalists and American audiences.¹¹

Bolkhovitinov's negative reaction to the massive anti-Soviet coverage of the situation in Eastern Europe was mixed with awakened feelings of Russian patriotism. Bolkhovitinov noticed a discovery of his own Russian (rather than Soviet) identity through communication with Russian emigrants who had fled the Revolution of 1917. However, to him they still represented the pre-revolutionary intellectual traditions of imperial Russia. During various official receptions in Boston, New York, and Washington D. C., the Soviet visitor was approached by these Americans of Russian ethnic origin: they impressed him as 'very intellectual and well-educated cultured people' who looked like his teacher Aleksei Efimov. These rare contacts with a few representatives of the Russian emigration in America created another long-lasting impression on Bolkhovitinov. Bolkhovitinov described his reaction as 'the sudden restoration of an ethnic memory in alien surroundings.' According to his interpretation, living without his family and communicating with foreign people for six months accentuated his feelings of 'cultural loneliness' and prepared him

¹⁰ Interview with N. Bolkhovitinov, 14 March 1991, Moscow.

¹¹ Interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow.

‘to welcome any personal contacts (even those forbidden by the KGB) with the American Russians in America.’¹²

Another important component in this ‘re-awakening’ was related to Bolkhovitinov’s discovery of Greek Orthodox Christianity as a foundation of his ‘being a Russian.’ Bolkhovitinov stated:

Orthodox Christianity as a part of our national Russian identity was never emphasised in my family. My parents did not practise religion, but they respected Orthodoxy as a part of their old cultural family tradition, which was never denied by any of them, and they always demonstrated this, supporting their dear friends, such as the pianist Maria Yudina, who was an active Christian believer [Там же, с. 1].¹³

Meeting them reminded Bolkhovitinov of people he felt spiritually close to:

Some of these contacts with Russian Americans were arranged by our colleagues, American historians of Russia, who tried to help Soviet guests in their adjustment to the realities of life in America. Many Soviet visitors tried to avoid these contacts with Russian emigrants; I did the same at the beginning of my visit. But eventually, through rare meetings in New York in 1968, I became attracted to the people who reminded me both of Efimov and Yudina from Moscow and who served as living proof of a Russian Orthodox Christian identity which had survived various ideological limitations and still existed in my Soviet Russian home in Moscow.¹⁴

Discovering America by Means of the Cinema and Television

As with many Soviet Americanists who had no English-language training in specialised schools, Bolkhovitinov always ‘struggled’ with his spoken ‘colloquial’ English. As early as the spring of 1965, during his first conversation with Professor Butterfield in Moscow, Bolkhovitinov realised that his English-language skills were not sufficient for communication with this American guest. When he complained about his problems with spoken English to Professor Butterfield, the latter explained to the young Soviet historian that his English was ‘fine’ and ‘more than enough’ for their professional communications in the Soviet archive. However, at the same time, he suggested that Bolkhovitinov look for a ‘native English-speaking milieu in Moscow like the international hotels’, where American and British tourists or journalists could talk with him in English only. Bolkhovitinov, who was afraid of the KGB punishing him rejected the idea immediately. In response, the American visitor offered another solution to Bolkhovitinov – to go to the United States as a visiting scholar, but do not shut yourself

¹² Citation from Bolkhovitinov’s letter, 21 January 1992, Moscow, p. 2.

¹³ See literature about M. Yudina: [Вспоминая Юдину; Пламенеющее сердце].

¹⁴ Interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow.

away completely in the archives and libraries, communicate with people in various possible ways, and', he added jokingly, 'watch at least one hour of sitcoms on television every evening.'¹⁵

So when Bolkhovitinov finally arrived to America, he reminded Professor Butterfield reminded him of this advice again in March 1968, when Bolkhovitinov realised that, after a month of living in US, he still had problems with understanding spoken American English. He was surprised to find that Professor Oscar Handlin also insisted that watching sitcoms and, occasionally, American movies would allow the visiting Soviet scholar 'to better handle various language situations in everyday life in America.'¹⁶ As a result, Bolkhovitinov took this advice seriously and began watching American television wherever he happened to stay during his travels. From March to August 1968, during his free time after his research, he tried to watch episodes of different television series, including soap operas and sitcoms. According to Bolkhovitinov's notes, his favourite television shows included *The Saint* (the British spy thriller about the adventures of a fictional detective and thief who behaved like a contemporary Robin Hood), *The Virginian* (an American Western), *Peyton Place* (a primetime soap opera), and *Bewitched* (an American comedy about a witch who marries an ordinary man). He preferred *The Virginian* the most, but, as he noted, the latter two were more useful, since they portrayed normal conversational situations, the language of which Bolkhovitinov could implement in his talks with ordinary Americans. Bolkhovitinov also recalled the feature films which were broadcast on American television while he was travelling, especially the 1966 British film *Dracula: Prince of Darkness* and the two James Bond movies *From Russia with Love* (1963) and *You Only Live Twice* (1967). As Bolkhovitinov confessed later, he decided to watch these films though they were 'forbidden for Soviet viewers' by censors and brutally criticised by the Soviet media:

Moreover, I had never read the Dracula story or seen any Bond movie, so I still remember the thrill of breaking the ideological rules and watching the forbidden films by myself in my hotel room somewhere in Washington D. C. during my American trip of 1968.¹⁷

For the entire duration of his visit, Bolkhovitinov attended American movie theatres only three times. On two occasions, his American colleagues invited him to watch Stanley Kubrick's *2001: A Space Odyssey* and *The Green Berets*, an anti-communist Vietnam war film starring John Wayne. In June 1968, Bolkhovitinov went to the theatre on his own to watch *Rosemary's Baby*, a horror film by Roman Polanski. As he later recalled, he thought the most impressive was 'Kubrick's science-fiction masterpiece.' Bolkhovitinov did not like the jingoistic and anti-Soviet 'pathos' of John Wayne's movie, which

¹⁵ Bolkhovitinov's letter, 25 March 1993, p. 1.

¹⁶ Bolkhovitinov's letter, 25 March 1993, p. 2. He referred to a phrase by Oscar Handlin.

¹⁷ See Bolkhovitinov's letter, 25 March 1993, p. 2-3; and Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997.

portrayed 'the US Army as the liberators of Vietnamese people', and he 'was glad that many American viewers criticised this film as "a cinematographic falsification" and "US Department of Defense Propaganda."' Bolkhovitinov explained that he was also frustrated with Polanski's film. He went to see this film after reading positive reviews in the American press and watching television shows praising this movie. However, Bolkhovitinov could not understand the 'mysticism and the story of Satan' in the film, and, as he confessed later, he could not follow the dialogue: he realised that he was still 'struggling with his "not very perfect colloquial" spoken English.'¹⁸

Bolkhovitinov recalled even the smallest details of this first (and longest) visit to America for the rest of his life. This trip became the 'measuring stick' for all other trips to the United States.¹⁹ For the first time in his life, Bolkhovitinov became aware of his Russian Orthodox, rather than Soviet, identity. Using American mass media, especially television, Bolkhovitinov could see 'a very different dimension of Soviet foreign policy, especially regarding the tragic developments of events in Prague.' This visit also provided the most important and interesting research material from the US archives and libraries that he was to use in his future studies. Bolkhovitinov brought back important personal contacts from America which would influence his entire academic career. He carried with him his cultural experience of America, 'his satisfied feelings' about the 'openness and easy accessibility of any information in America,' and his impressions from what he saw, heard, ate and bought in the United States. Bolkhovitinov also began to form his first personal library of American books, bringing copies to his Moscow house back from America. And, as an enthusiastic tennis player, he brought back a tennis racket and balls. As early as April 1968, Bolkhovitinov began to play tennis in the US, using the comfortable tennis courts on the various university campuses which he visited during his trip.²⁰

Strategies of Survival after 1968

Bolkhovitinov's first trip to America resulted in a long confrontation with the KGB. After the obligatory submission of travel reports no longer than two weeks after their return, Soviet scholars were normally invited by KGB officers for a 'special conversation' [Dash, p. 11—12; Черкасов, с. 216, 315]. As some participants of these conversations recalled, Soviet Americanists

¹⁸ Bolkhovitinov's letter, Moscow, 29 January 1997; and my interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow.

¹⁹ Bolkhovitinov's experience during his American visit was similar to the reaction of a fellow Americanist from Moscow: 'By the 1960s we'd come a long way, but there was still far to go. We still didn't know the world. I remember my first trip to the US, and how quickly I realized that 90, maybe 99 percent of all that I had written was wrong. I'd read everything, we had facts and information, but we didn't yet *understand*.' This is a quotation from Viktor Kremenyuk, ISKAN deputy director interviewed by Robert English on 19 December 1989 in Moscow [English, p. 266].

²⁰ I quote my interview with N. Bolkhovitinov, 21 May 2001, Moscow. David Goldfrank also recalled how Bolkhovitinov loved playing tennis in the US.

had to play ‘various mind games’ and follow ‘strategies of survival’ during these conversations by accepting some KGB offers and rejecting others. The major goal of these games was to maintain good connections with the KGB and thus guarantee future trips to America. Not everybody could follow the rules of such games, and their violation could influence the scholar’s entire academic career, especially the future trips abroad.²¹ The most important of these ‘strategies of survival’ was to follow all ideological requirements when writing the travel report. This report had to reflect the major research and teaching goals of the sojourn and describe the major research centres visited, the personal and scholarly contacts made, and the main activities conducted. The KGB reports also required a description of the political, economic, ideological, and, from the 1970s, cultural situation in American society.²² The A typical case of a ‘deviation’ from such ‘strategies of survival’ is presented by the story of Nikolai Bolkhovitinov. Before Bolkhovitinov’s first travel to US in January 1968, a KGB officer had suggested to Bolkhovitinov the possibility of future collaboration. Bolkhovitinov pretended not to understand the nature of this offer. However, in September 1968, after his return to Moscow, Bolkhovitinov again had an additional meeting with the same KGB officer. This officer asked Bolkhovitinov about rewriting the academic report describing his visit to US because the text did not contain ‘useful, strategically important information’; instead, it was only ‘a survey of the libraries and archives’ which Bolkhovitinov had visited. In addition, the officer reminded Bolkhovitinov of his old offer to serve ‘as a KGB informer and help the KGB to fight various ideological provocations at the Institute of World History.’ Moreover, he promised additional payment and various privileges, including trips abroad, if Bolkhovitinov agreed. Bolkhovitinov found a pretext for declining this offer. As he said later:

I explained to this officer that I was very busy at that moment, writing my new book, therefore I had no time to help him. But I promised to think over this KGB proposal again. After this I shook hands with him and left this secret apartment and I never called him again [БОЛХОВИТИНОВ, б. г., с. 47–48].

As a result of this strategic mistake, the KGB denied Bolkhovitinov access to any research grants funded by the US government. Grigorii Sevostianov, Bolkhovitinov’s supervisor and representative of the KGB at the Institute of World History, tried to prevent him from staying in America for any period longer than one month per visit during the 1970s.²³

²¹ I use phrases from my interview with Marina Vlasova and Aleksandr Fursenko, 19 March 1991, Moscow. See also Nekrich’s memoirs about Soviet Americanists from his Institute of History travelling abroad and, especially, the case of Lev Slezkine, who was denied permission by the KGB: [Nekrich, p. 135, 201]. Even those close to the KGB, like Arbatov, had problematic relations with this organisation and experienced real persecution from KGB officers [Arbatov, p. 269, 272–274].

²² See a typical academic travel report by O. S. Soroko-Tsiupa, a MGU professor of Canadian history, in: [Arkhiv MGU. F. 9. Op. 8. D. 1011. L. 11–12], about his travel to Toronto, Canada, between September 1966 and June 1967.

²³ Both Robert Ivanov and Sergei Burin confirmed this information, 21 March 1991, Moscow.

But However, despite all of these problems, by the 1970s Nikolai Bolkhovitinov had become the most prominent figure among Soviet Americanists, a true pioneer in the history of Russo-American relations.²⁴ For American historians in the United States, Bolkhovitinov, together with Nikolai Sivachev and Aleksandr Fursenko, symbolised the new openness of the Soviet academic community and the serious research potential of American studies in the Soviet Union, both of which were revealed to the outside world as a result of Khrushchev's thaw and the de-Stalinisation of Soviet society after 1956. To Western scholars, Bolkhovitinov became known as a very decent and honest Soviet historian. He also acquired the reputation of being a serious researcher who tried to avoid the propaganda clichés so indicative of a considerable number of his Soviet colleagues, who were always engaged in various propaganda activities organised by the Soviet state.²⁵ For this reason, the figure of Bolkhovitinov attracted the attention of Western scholars, who asked him to write not only a history of US historical studies in the USSR for a Western audience, but also a story about his own life, which he eventually published in 1980 in English in the *British Journal of American Studies* [Bolkhovitinov, 1980]. For many Soviet and post-Soviet scholars, Bolkhovitinov assumed the role of an 'ideal type' – a Soviet Americanist who espoused the quintessential characteristics of Soviet experts on US history, politics, and culture, behaved like a decent and honest researcher, and acted as 'a cultural mediator' between Soviet and American civilisations.

Академическое и бытовое открытие Америки

Первый же день прибытия в Нью-Йорк в феврале 1968 г. произвел на Болховитинова эффект культурного шока:

Все в Америке пахло, звучало и выглядело иначе... Я еще припоминаю запах свежих цветов в общественном туалете аэропорта. И этот запах сильно запомнился, особенно по сравнению с вонючими туалетами Шереметьево. Все американцы для меня выглядели настолько дружелюбными и готовыми помочь, что я сразу же полюбил этот американский народ с первого же моего контакта с ним в нью-йоркском аэропорту²⁶.

Николай Болховитинов серьезно приготовился к своему путешествию в Америку. В мае 1967 г. он составил подробный план

²⁴ All Soviet (and post-Soviet) historians of Russo-American relations followed Bolkhovitinov's tradition in the Soviet historiography of international relations. See: [Ганелин; Куропятник].

²⁵ For how American historians praised Bolkhovitinov, see: [Rediker; *Adventures in Russian Historical Research*, p. 54, 56, 58, P. 145; Engerman, p. 178–179]. Compare with an essay written by the Russian students of N. Bolkhovitinov [Журавлева; Курилла].

²⁶ Интервью с Николаем Болховитиновым, Москва, 10 июля 2004 г. Здесь и далее, если не указано иначе, все интервью с Н. Болховитиновым и его коллегами цитируются по аудиозаписям из личного архива автора статьи.

путешествия в США, им была подготовлена лекция о «советских исторических исследованиях американской истории» для американской аудитории, и ее текст обсудили в секторе Института истории. К декабрю 1967 г. его исследовательский план и лекция были одобрены Севостьяновым и международным отделом [Болховитинов, б. г., с. 49–50]. При этом Болховитинов надеялся, что он сможет найти интересные документы и по современной истории США, а не только материалы, заявленные в научном плане. Как он вспоминал позднее:

Я прекрасно понимал, что мне нужно будет обходить строгие правила работы только с неизвестными архивными документами и редкими публикациями о русско-американских отношениях первой половины 19-го века²⁷.

Впоследствии Болховитинов объяснял своим американским коллегам, что его заветной мечтой было добраться до Национального архива США и посмотреть документы по различным проблемам современной истории США. Но поскольку он опасался контроля со стороны КГБ, в заявке на поездку он акцентировал внимание на очень узкой теме «истории дипломатических отношений очень ограниченного хронологического периода». Согласно свидетельству его американских друзей Дэвида Гольдфранка и Ричарда Стайтса из Джорджтаунского университета, Болховитинов использовал свою «дипломатическую» тему исследования в качестве предлога, чтобы получить доступ к архивным материалам по современной истории, особенно в Национальном архиве и других архивных собраниях США²⁸. В определенном смысле ему удалось осуществить многие свои научные планы: посетить и исследовать архивные и книжные собрания Нью-Йоркской публичной библиотеки, Нью-Йоркского исторического общества, библиотек Колумбийского университета; Массачусетского исторического общества, Бостонского Этенеума, библиотек Гарвардского и Корнелльского университетов; Американского философского общества и Исторического общества Пенсильвании в Филадельфии; Национального архива, Библиотеки Конгресса в Вашингтоне и многих других исследовательских центров [Болховитинов, 1971, с. 329–330].

Это первое путешествие Болховитинова в США не только полностью изменило его скептическое впечатление от «страны, убивающей своих лучших политиков, таких как Кеннеди», но также повлияло на его понимание природы исторических исследований и «методологии отбора и анализа исторических источников»²⁹. Болховитинов обнаружил очень демократичные отношения среди аме-

²⁷ Письмо Н. Болховитинова, 12 мая 1996 г., Москва.

²⁸ Как заметил Дэвид Гольдфранк, «сам Болховитинов в 90-е гг. признавался, что выбор темы исследования российско-американских отношений 18 века использовался им как предлог для доступа к документам Национального архива США». Цитата из письма Гольдфранка от 23 августа 2013 г.

²⁹ Письмо Болховитинова, 12 мая 1996 г., Москва.

риканских коллег. Его особенно поразили доступность и простота в общении выдающихся американских историков, которые уже являлись своеобразными академическими знаменитостями. Эти ученые были не только доступны и просты в общении, но и готовы поделиться своими открытиями, архивными находками и документами с молодым советским исследователем. Среди многих американских историков, ставших его хорошими друзьями, были такие ученые как Ричард Моррис (эксперт по колониальному периоду истории США), Ричард Хофстедтер (исследователь интеллектуальной и политической истории из Колумбийского университета), Оскар Хендлин из Гарварда (специалист по миграционной истории и истории культуры США), Бернард Бейлин из того же университета (специалист по американской колониальной и ранней истории), Декстер Перкинс из Университета Рочестера (эксперт по дипломатической истории США), Уильям Лангер из Гарварда (история дипломатии XIX в.), Дэвид Брайан Дэвис из Корнелльского университета (история американской культуры и рабства). Болховитинов обсуждал с ними основные проблемы, которые его интересовали в новой истории США: генезис американского капитализма в XVIII–XIX вв., войну за независимость США, англо-американскую войну 1812 г., Доктрину Монро, «джексоновскую» демократию и роль западной границы в истории США [Болховитинов, 1971, с. 329–330, 337].

Болховитинов стал свидетелем начала эпистемологической революции в американской историографии и зарождения новых отраслей исторического знания [Novick]. Его особенно впечатлил расцвет так называемой «новой экономической истории». Советская историография в определенном смысле отставала, находясь в теоретической зависимости от марксистской методологии. В академических докладах, сделанных им после поездки, Болховитинов настоятельно рекомендовал советским академическим библиотекам организовать систему приобретения микрофильмов американских диссертаций и различных реферативных публикаций, таких как «Диссертационные абстракты» и «Репринтные серии Боббс-Мерилла» по американской истории. Болховитинов также находился под впечатлением от системы организации преподавания и исследовательской работы американских историков. Болховитинов был поражен тем, что каждый американский профессор имел свой кабинет, оснащенный реферативной литературой, каталогами, оборудованием для чтения микрофильмов со свободным доступом к принтерам и копировальным аппаратам. Он рассказывал своим коллегам:

Я был шокирован, выяснив, что все основные американские библиотеки не только предоставляют свободный доступ к своим фондам, но и обеспечивают копировальными машинами всех желающих, следовательно, не требовалось делать выписки из документов вручную, поскольку можно было ксерокопировать любой документ, экономить свое время и избегать ошибок, обязательных при копировании вручную [Болховитинов, 1971, с. 336–338].

Болховитинов прибыл в Америку уже с установившейся репутацией серьезного историка. Посещая основные исследовательские центры и архивные собрания на Восточном и Западном побережье, выступая с публичными лекциями, встречаясь со своими американскими коллегами, он поражал их эрудицией и знанием исторического материала. Как заметил профессор Джек Грин (Университет Джонса Гопкинса): «Я думаю, что единственным серьезным советским историком, специалистом по истории нового времени, посетившим Соединенные Штаты в период разрядки, был Болховитинов»³⁰. Многие американские историки, знавшие исследования Болховитинова по ранней истории российско-американских отношений, подчеркивали, что настоящая «академическая разрядка» между американским и советским обществом началась во многом как результат его правдивых и честных исторических исследований. В 1975 г. Лаймон Генри Баттерфилд, представляя американское издание книги советского историка, написанной еще в 1966 г., так описывал вклад Болховитинова в политику разрядки:

Когда уже мы достигнем реальной разрядки, развивающейся в обоих направлениях в архивных и исторических исследованиях, которую можно было бы сравнивать с тем, что уже началось в науке о космосе? Польза от знания обеих сторон очевидна на каждой странице этой книги. Результат неустанного труда, приличного организационного мастерства и трезвых суждений исследователя, эта книга раскрывает забытые страницы из истории взаимоотношений двух народов, которые все еще стараются понять друг друга [op. cit.: Butterfield, p. 18].

28 марта 1968 г. администрация Массачусетского исторического общества и редакторы издательства Гарвардского университета организовали специальный прием в честь молодого советского историка во время его посещения Бостона. Потомок семьи Адамсов Томас Бойлстон Адамс, старинный американский знакомый Болховитинова профессор Лайман Генри Баттерфилд, редактор «Бумаг Адамсов» и директор Института ранней американской истории, и Марк Керролл, директор издательства Гарвардского университета, открыли этот прием с похвалы в адрес болховитиновского исследования ранней истории российско-американских отношений и его находок в советских архивах о семье Адамсов, сделанных в его книге 1966 г. После этого теплого и дружественного представления Болховитинов прочел детальную лекцию об истории изучения Америки в СССР. Заканчивая свою лекцию, Болховитинов особенно подчеркнул главную идею книги:

³⁰ Я ссылаюсь на свой разговор с Джеком Грином 15 сентября 1998 г. в г. Балтиморе (Мэриленд). Во время моих разговоров с выдающимися американскими историками, такими как Бернард Бейлин, Уолтер ЛаФибер, Джон Геддис и Норман Сол, я тоже слышал подобные оценки.

Я не намерен представлять идеализированную картину и создавать впечатление, что разногласия или антагонизм никогда не существовали между Россией и Америкой... Урок российско-американских отношений состоит не в отсутствии различий и конфликтов, а в том, что история свидетельствует о возможности преодоления их – не с помощью оружия, а миром, путем переговоров [Ibid., p. 16].

Историки Гарвардского университета решили перевести его книгу на английский язык и опубликовать ее в США, а Роберт Уэбб, главный редактор престижного журнала «Американское историческое обозрение», попросил разрешения опубликовать лекцию в журнале³¹.

Болховитинов понимал, что официальная версия лекции, которая впечатлила американцев, была «очень формальной, бесцветной и идеально субъективной». Он всегда боялся агентов КГБ, наблюдавших за ним в Америке, поэтому старался всячески воздерживаться от любой критики советской историографии или негативных оценок официальной советской марксистской методологии. В итоге Болховитинов согласился на публикацию своей официальной лекции без каких-то изменений. Когда Роберт Уэбб предложил ему приличный гонорар за публикацию, Болховитинов вместо денег попросил посылать ему в Москву новые книги по американской истории. В 1969 г. Болховитинов получил первую из таких посылок. Как он говорил впоследствии, эта его первая поездка в Америку способствовала созданию уникальной частной книжной коллекции, посвященной американской истории [Болховитинов, б. г., с. 47–48, 49–50].

Во время двух посещений Нью-Йорка (в феврале и августе 1968 г.) к Болховитинову неоднократно подходили представители Издательства международных искусств и науки, включая его руководителя Майрона Шарпа, главного редактора Фреда Эблина и Пола Арона, редактора «Советских исторических исследований», журнала переводов с русского, которые и организовали специальные публичные встречи с советским гостем. После разговоров с ними Болховитинов понял, что эти люди симпатизируют «коммунистическому делу» Советского Союза, и все они имеют радикальные «левые» идеи. Это было настоящим откровением для него. Несмотря на предвзятые советские идеи о «реакционной буржуазной историографии» в Соединенных Штатах, Болховитинов увидел в среде американских историков сложную историографическую систему с очень разными историческими концепциями и философскими интерпретациями³².

³¹ Его книга «Становление русско-американских отношений, 1775–1815» была переведена на английский и издана в 1975 г. См.: [Bolkhovitinov, 1975]. Информация о презентации Н. Болховитинова появилась также в *Boston Herald Traveler* за 22 апреля 1968 г.

³² Как он писал в своем письме: «В отличие от идеологических клише о реакционной буржуазной историографии, я столкнулся с гораздо более разнообразной и привлекательной интеллектуальной картиной исторических интерпретаций среди американских историков» (письмо Н. Болховитинова, 12 мая 1996 г., Москва).

Как выяснилось, в течение 1950-х гг. редактор «Советских исторических исследований» Пол Арон был жертвой преследований со стороны Комитета по антиамериканской деятельности и был вынужден прекратить академическую карьеру. Другой коллега Арона, переводчик Издательства международных искусств и науки Уильям Мендел, имея подобную же судьбу, потерял должность научного сотрудника Гуверовского института Стэнфордского университета. Несмотря на это, Арон и Мендел по-прежнему открыто поддерживали политику Советского Союза, публикуя просоветские материалы в американской прессе и выражая публично критику американской дипломатии по радио и телевидению. За месяц до поездки Болховитинова в США Уильям Мендел подписал «Протест писателей и редакторов против налогов, взимаемых в поддержку вьетнамской войны» [Writers and Editors War Tax Protest]. Впоследствии Болховитинов писал в своем официальном отчете:

Я был приятно удивлен широкому распространению радикальных идей среди американской интеллигенции, особенно среди университетских студентов, профессоров и многих преподавателей. Это особенно проявилось на кампусах Корнельского университета в Итаке и Университета Калифорнии в Беркли. Так, в недавнем прошлом студент профессора Уильяма Эпплмана Уильямса, автор ревизионистской книги с критикой американского империализма «Новая империя: интерпретация американской экспансии, 1860–1898 гг.» молодой профессор Уолтер ЛаФибер, был избран деканом исторического факультета Корнельского университета в 1968 г. Даже во время первой моей встречи, когда я приехал на кампус этого университета 11 марта 1968 г., мне стало очевидно, что большинство встречавших меня (У. ЛаФибер, Т. МакКормик, Джоел Силби и др.) были «новыми левыми», и все студенты университетского общежития, где я жил, были решительными противниками вьетнамской войны и сторонниками сенатора Юджина МакКарти. В Беркли же в начале лета 1968 г. развернулась настоящая война между студентами и полицией на улицах этого городка. В общем, эта необычная политическая активность американской молодежи, особенно университетских студентов, произвела на меня самое незабываемое и неизгладимое впечатление за все пребывание мое в США [Болховитинов, 1971, с. 340–341].

Болховитинов вспоминал и свои впечатления от личных встреч с американскими коллегами, специалистами по истории США, особенно свое восхищение от чтения исследования историка Колумбийского университета Ричарда Хофстедтера «Конфликт и консенсус в американской истории». Следующим запоминающимся событием стали его контакты с Л. Баттерфилдом, которые начались в еще 1965 г. в Москве и укрепились во время визита в Бостон. Баттерфилд, легендарный редактор «Бумаг Адамса», был

зятем известного американского банкира, бизнесмена и филантропа Сайруса С. Итона, который основал и помог организовать Пагуошскую конференцию в поддержку мира в 1955 г. (*Pugwash Conferences on Science and World Affairs*), ставшую впоследствии одноименным движением. Болховитинов даже останавливался в доме Баттерфилда и имел возможность ознакомиться с его огромной библиотекой, с коллекцией редких книг, «которую можно было бы сравнить только с коллекцией самого Массачусетского исторического общества»³³.

Многие советские американисты отмечали, как важны были личные контакты с американцами для их «личного открытия» Америки. Болховитинов и Фурсенко признавали, что проживание с американцами в их домах, в студенческих общежитиях влияло на них больше, чем установление формальных академических отношений с американскими коллегами. Болховитинов часто вспоминал, как в 1968 г., проживая в общежитии Корнелльского университета, он обсуждал со студентами разные политические и культурные проблемы, включая войну во Вьетнаме [Болховитинов, 1971, с. 338; Болховитинов, 1997, с. 73–74]. Болховитинов прибыл Америку, по его собственному признанию, «с предвзятыми понятиями о внутреннем кризисе американского капиталистического общества», а в результате общения с американцами увидел, «насколько талантливы были эти юные представители американского общества» и «насколько они способны были к критическому самоанализу и самоуправлению». «Они были более самостоятельны и само-достаточны, чем советская молодежь», – вспоминал Болховитинов. [Болховитинов, б. г., с. 50–51]³⁴. В 2005 г. он писал в своих мемуарах:

Большое впечатление произвели на меня две недели жизни вместе со студентом ассоциации Тюлорайд в Корнелле, беседы, которые часто продолжались далеко за полночь. Общение со студентом заставило меня пересмотреть первое впечатление о слабости американского общества и убедило меня, что это общество, несмотря на признаки внешнего разложения и упадка, в своей основе очень крепко, полно силы и здоровья... [Там же, с. 50].

Важным открытием для Болховитинова было осознание сравнительной легкости получения любой информации в Америке. Советский гость мог найти любую нужную ему книгу, журнальную статью, опубликованные в любой стране мира для его собственного исследования в университетской библиотеке, или документ в архивных собраниях, или же мог читать запрещенную в СССР литературу, включая книги Солженицына или засекреченную речь Хрущёва на XX съезде КПСС.

³³ Письмо Болховитинова, 12 мая 1996 г. Москва. См. также: [Rotblat; Brown].

³⁴ Ср. с моим интервью с Н. Болховитиновым от 2 июня 2001 г., Москва.

В 1991 г. Николай Николаевич вспоминал:

Я до сих пор помню, как я поглощал страницу за страницей, читая различные фрагменты из романа Солженицына в таких американских журналах, как «Нью-Йоркер», забывая полностью о кипах документов и стопках старых книг, приносимых библиотекарями для моего собственного научного исследования. Я тогда так и не прочитал полного издания этого романа в 1968 г. Только в конце августа, за несколько дней до моего отъезда в Москву, я обнаружил, что этот роман был опубликован полностью на английском языке (в сокращенном варианте) отдельной книгой. Я старался найти это издание, но так и не смог этого сделать. Парадокс заключался в том, что после моего возвращения в Москву я смог прослушать весь текст этого шедевра Солженицына, который транслировал «Голос Америки» по радио³⁵.

Открытие собственной идентичности в Америке

Во время поездки в Америку Болховитинов имел также возможность внимательно следить по американскому телевидению за развитием событий в Чехословакии. Потом он вспоминал:

Даже перед тем, как я покинул Москву для поездки в США, я уже следил за событиями в Праге по сообщениям зарубежного радио. Но только теперь в Америке я по-настоящему оценил доступность визуальной информации о «Пражской весне» на американском телевидении. С марта по август 1968 года я получил мою первую «антисоциалистическую терапию» через образы антисоветских демонстраций в Праге. Неожиданно для себя я осознал, что советская армия опять, как в 1956 году в Венгрии, может быть агрессором, подавляющим свободную социалистическую страну, чтобы остановить демократические реформы. <...> В то же время мне становилось плохо, и я чувствовал себя оскорбленным массовым наплывом антисоветской информации на американских телеэкранах, с порой некомпетентным объяснением исторических фактов и полнейшим игнорированием исторического прошлого России, которое демонстрировали как американские журналисты, так и американская публика³⁶.

Эта отрицательная реакция на массовую антисоветскую кампанию оказалась связана с чувством патриотизма. Болховитинов открыл для себя российскую (более чем советскую) идентичность через общение с бывшими русскими эмигрантами, которые бежали от российской революции 1917 г. Для него они по-прежнему представляли дореволюционные интеллектуальные традиции имперской России. Во время официальных приемов в Бостоне, Нью-Йорке и Вашингтоне к советскому гостю подходили американцы русского происхождения,

³⁵ Интервью с Н. Болховитиновым, 14 марта 1991 г., Москва.

³⁶ Интервью с Н. Болховитиновым, 21 мая 2001 г., Москва.

которые произвели на Болховитинова впечатление «очень интеллигентных и хорошо образованных культурных людей». Он описывал свою первую реакцию как «внезапное восстановление этнической памяти в чужеродном окружении». Как он объяснял позже:

Проживание на чужбине усилило мое чувство культурного одиночества и подготовило меня к поиску (несмотря на запреты КГБ) личных контактов с русскими американцами в Америке³⁷.

Важная составляющая этого процесса была связана с открытием православного христианства как основы его существования как русского человека. Болховитинов отмечал:

Православное христианство как часть нашей национальной идентичности никогда не подчеркивалось в моей семье. Мои родители никогда не были активными верующими, но они всегда уважали православие как часть нашей семейной традиции, которую они никогда не отрицали, и они всегда это демонстрировали, поддерживая наших друзей, таких, как пианистка Мария Юдина, которая всегда была активной православной христианкой³⁸.

Встречи с ними напомнили Болховитинову о людях, близких его душе:

Некоторые из этих контактов с русскими американцами были организованы нашими коллегами, американскими историками-русистами, которые старались помочь советским гостям, таким, как я, в их адаптации к реалиям жизни в Америке. Большинство советских гостей стремились избегать этих контактов с русскими эмигрантами; я делал то же самое в начале своей поездки. Но постепенно в результате немногих встреч в Нью-Йорке в 1968 году меня стало тянуть к этим людям, которые напоминали мне моих знакомых москвичей Ефимова и Юдину и которые служили мне живым доказательством реально существующей русской православной христианской идентичности, которая пережила всевозможные идеологические ограничения и которая все еще существует в моем советском русском доме в Москве³⁹.

Кино- и телеоткрытие Америки

Как и многие советские американисты, Болховитинов испытывал серьезные проблемы с разговорным английским языком при общении. Еще весной 1965 г. во время своего первого разговора

³⁷ Письмо Н. Болховитинова от 21 января 1992 г.

³⁸ Письмо Н. Болховитинова от 21 января 1992 г. См. так же: [Вспоминая Юдину; Пламенеющее сердце].

³⁹ Интервью с Н. Болховитиновым, 21 мая 2001 г., Москва.

с профессором Баттерфилдом в Москве Болховитинов понял, что его знание языка не позволяет ему на равных общаться с американским гостем. Когда он пожаловался на свой плохой разговорный английский, Баттерфилд объяснил молодому советскому историку, что его английский язык «более чем достаточен» для их профессионального общения, и посоветовал Болховитинову найти «окружение англоговорящих людей в Москве, и прежде всего в международных гостиницах», где американские и британские туристы и журналисты говорили бы с ним только по-английски. Естественно, Болховитинов, опасавшийся преследования со стороны КГБ, немедленно отказался от этой идеи. Тогда американский гость предложил другое решение проблемы – «ехать в США в качестве приглашенного ученого, но не изолировать себя полностью в архивах и библиотеках, а общаться с людьми самым различным образом и – добавил в шутку – смотреть каждый вечер по крайней мере по часу трансляцию комедии по телевизору»⁴⁰. Когда Болховитинов попал в Америку, он напомнил этот совет профессору Баттерфилду. К его удивлению, не только Баттерфилд, но и профессор Оскар Хендлин настаивали на практике просмотра комедий и другого американского кино, чтобы лучше овладеть разговорным языком⁴¹. Болховитинов воспринял этот совет серьезно и начал смотреть американское телевидение при всяком удобном случае. С марта по август 1968 г. вечерами он старался просматривать телевизионные сериалы, включая «мыльные оперы». У него даже появились любимые, такие как «Святой» (изначально это был британский шпионский детектив-триллер о приключениях персонажа, который был и сыщиком, и одновременно вором, исполнявшим роль современного Робин Гуда), «Вирджинец» (американский ковбойский сериал-вестерн), «Пейтон Плейс» (мыльная опера) и «Околдованный» (американская фантастическая комедия о ведьме). Среди других кинофильмов, которые он вспоминал, были такие, как британская картина 1966 г. «Дракула: князь тьмы» и два фильма о Джеймсе Бонде с участием Шона Коннери – «Из России с любовью» (1963) и «Ты живешь только дважды» (1967). И хотя все эти фильмы были запрещены советской цензурой и жестко критиковались советской прессой, он все-таки решил их посмотреть:

...Более того, я никогда не читал историю Дракулы и не видел какой-либо фильм о Бонде, поэтому я все еще помню свое возмущение от нарушения идеологических правил и просмотра запрещенного кино в моем гостиничном номере где-то в Вашингтоне во время моей американской поездки 1968 года⁴².

⁴⁰ Письмо Н. Болховитинова, 25 марта 1993 г., с. 1.

⁴¹ Письмо Н. Болховитинова, 25 марта 1993 г., с. 2. Он сослался на фразу Оскара Хендлина.

⁴² Письма Н. Болховитинова от 25 марта 1993 г. (с. 2—3) и от 29 января 1997 г.

За все время своей поездки Болховитинов посещал американские кинотеатры только три раза. Дважды коллеги приглашали его для просмотра киноленты научной фантастики «Космическая одиссея 2001 года» Стенли Кубрика и антикоммунистического фильма о войне во Вьетнаме «Зеленые береты» с участием Джона Уэйна. А в июне 1968 г. Болховитинов по собственной инициативе посетил кинотеатр, чтобы посмотреть фильм ужасов Романа Полански «Ребенок Розмари». Как он впоследствии вспоминал, после просмотра и сравнения всех этих кинокартин наиболее впечатляющим и талантливым ему показался «шедевр научной фантастики Кубрика». Болховитинову совершенно не понравился джингоистский антисоветский пафос фильма Джона Уэйна, «представляющий американскую армию как освободителей вьетнамского народа», и он «был рад, что многие американские зрители критиковали этот фильм как “кинематографическую фальсификацию” и “пропаганду американского департамента обороны”». Болховитинов объяснил, почему он разочаровался и в картине Поланского. Он решил посмотреть этот фильм после того, как столкнулся со многими положительными рецензиями на него, но не смог понять «мистицизм фильма и всю эту историю о Сатане», и, как он признался, ему было трудно следить за диалогами, поскольку он осознавал, что «теряет нить разговора (героев фильма)», так как он «все еще не владел в совершенстве повседневым разговорным английским языком»⁴³. Эта поездка служила для него моделью и своеобразной точкой отсчета для оценки всех его последующих командировок в США⁴⁴. Именно тогда Николай Николаевич осознал свою русскую православную идентичность, превалирующую над советской. Под влиянием американских средств массовой информации, особенно телевидения, он смог увидеть «совершенно иное объяснение советской международной политики, особенно в том, что касается трагического развития событий в Праге». Одним из важных результатов этой его поездки был сбор интересных исследовательских материалов из американских архивов и библиотек, которые он теперь мог использовать в своих публикациях. У него завязались важные личные контакты, которые повлияли на всю его последующую академическую карьеру. Болховитинов обрел и уникальный опыт «культурного диалога с Америкой», испытал чувства «удовлетворения от открытости американского общества и доступности любой инфор-

⁴³ Интервью с Н. Болховитиновым от 21 мая 2001 г. в Москве.

⁴⁴ Опыт Н. Болховитинова во время его первой американской поездки можно сравнить с реакцией его коллеги-американиста из Москвы: «К 1960-м годам мы прошли длинный путь, но все еще требовалось время для понимания Америки. Мы все еще не знали окружающего нас мира. Я вспоминаю свою первую поездку в США, и, как быстро я понял, что 90, может быть, 99 % всего написанного мною было неправильным. Конечно, я читал все, у нас было достаточно фактов и информации, но мы все еще не понимали [как живет Америка]». Я цитирую Виктора Кременюка, замдиректора ИСКАН (интервью Роберта Инглиша от 19 декабря 1989 г. в Москве [English]).

мации в Америке». Он начал собирать свою первую собственную библиотеку научной литературы по истории США. И как большой энтузиаст игры в теннис он привез с собой отличную теннисную ракетку, ведь уже в апреле 1968 г. Болховитинов начал играть в теннис на кортах различных университетских кампусов, которые ему довелось посетить⁴⁵.

Вместо заключения: стратегия выживания после 1968 г.

Первая поездка Болховитинова в США привела к его длительной конфронтации с КГБ. Как правило, советские ученые после первой поездки за рубеж в капиталистические страны и обязательного предоставления доклада об этой поездке в Первый отдел по месту работы приглашались офицерами КГБ для «специальной беседы» [Dash, p. 11–12; Черкасов, с. 216, 315]. Участники подобных бесед вспоминали, что им приходилось «играть в особые хитроумные игры» и следовать определенным «стратегиям выживания», то принимая некоторые предложения офицеров КГБ, то отказываясь от них. Главной целью было поддержание хороших отношений с КГБ, гарантирующее будущие поездки в Америку. Нарушение правил могло повлиять на всю академическую карьеру, и особенно на планы будущих поездок за рубеж⁴⁶. Главной частью этих «стратегий выживания» было составление «правильного» отчета о зарубежной поездке. В нем должны были быть отражены основные научные и учебные цели поездки, описаны исследовательские центры, личные и научные контакты и т. п. Доклады КГБ также требовали описания конкретной политической, экономической и идеологической (а с 1970-х гг. и культурной) ситуации в американском обществе. Любая попытка игнорировать эти правила считались «преступным отклонением» от нормы⁴⁷. Типичным случаем подобного «отклонения» была история Николая Болховитинова. Перед первой поездкой Болховитинова в США во время «специальной беседы» в январе 1968 г. офицер КГБ уже предлагал ему возможность будущего сотрудничества. Болховитинов же сделал вид, что он

⁴⁵ Здесь я вольно перефразировал интервью с Н. Болховитиновым от 21 мая 2001 г. в Москве. Ричард Стайтс и Дэвид Гольдфранк, оба профессора истории Джорджтаунского университета, вспоминали, как Болховитинов любил играть в теннис и просил их помочь ему с покупкой теннисных ракеток и мячиков.

⁴⁶ Я использую фразы из интервью с Мариной Власовой и Александром Фурсенко от 19 марта 1991 г., Москва. Ср. с мемуарами А. Некрича о поездках советских американцев Института истории и особенно случай со Львом Слезкиным, которому в КГБ запретили поездки за рубеж: [Nekrich, p. 135, 201]. Даже такие близкие к КГБ ученые, как Г. Арбатов, тоже имели весьма непростые отношения с этой организацией и испытывали иногда реальные преследования со стороны офицеров КГБ [Arbatov, p. 269, 272–274].

⁴⁷ См. типичный академический отчет О. С. Сороко-Цюпа, профессора канадской истории в МГУ, о его поездке в Торонто в сентябре 1966 – июне 1967 г. [Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 1011. Л. 11–12].

не понял существа этого предложения. Но уже в сентябре 1968 г. после его возвращения из Америки Николай Николаевич опять имел встречу с тем же офицером, который просил его переписать его академический отчет, поскольку тот не содержал «какой-либо ценной стратегической информации», а скорее был «научным описанием всех библиотек и архивов», в которых работал историк. К тому же офицер напомнил Болховитинову свое прежнее предложение «служить информатором КГБ и помогать КГБ в борьбе с различными идеологическими провокациями в Институте всеобщей истории». Он обещал дополнительную оплату за эти услуги и различные привилегии, включая «неограниченное количество поездок» за рубеж, если тот согласится. Болховитинову удалось-таки придумать предлог, чтобы избежать прямого ответа на это предложение. Как он рассказывал впоследствии:

Я объяснил этому офицеру, что я очень занят после приезда из Америки, пишу текст книги для своего руководства, поэтому не могу ему ответить сразу. Но я обещал обязательно подумать опять о предложении КГБ. После того, как мы обменялись с ним рукопожатием, я покинул эту злосчастную квартиру и никогда ему больше не звонил⁴⁸.

Результатом стали препятствия со стороны КГБ в получении длительных исследовательских грантов, спонсируемых американским правительством, а Григорий Севостьянов, являвшийся непосредственным начальником Болховитинова в 1970-е гг. старался всячески препятствовать ему в получении официального разрешения на командировки в США, которые бы длились больше месяца⁴⁹.

Несмотря на все эти проблемы, к 1970-м гг. Николай Болховитинов стал самой заметной фигурой среди советских историков-американистов⁵⁰. Для американских историков он вместе с Николаем Сивачевым и Александром Фурсенко символизировал новую открытость советского академического сообщества и серьезный исследовательский потенциал советской американистики, который стал очевиден всему миру как результат хрущёвской оттепели, десталинизации и либерализации общества после 1956 г. В глазах зарубежных коллег Болховитинов был известен как порядочный и честный советский историк, который в исследованиях старался преодолеть пропагандистские клише⁵¹. Фигура Болховитинова всегда привлекала внимание западных

⁴⁸ Интервью с Н. Болховитиновым от 21 мая 2001 г. в Москве.

⁴⁹ Роберт Иванов и Сергей Бурин подтвердили эту информацию в разговоре со мной 21 марта 1991 г. в Москве [Zhuk, 2013, p. 308–309].

⁵⁰ Все советские и постсоветские историки российско-американских отношений следуют болховитиновским традициям советской историографии. См., например: [Панелин; Куропятник; Курилла].

⁵¹ Американские исследователи высоко оценивали работы и личность Н. Н. Болховитинова: [Rediker; Adventures in Russian Historical Research, p. 54, 56, 58, P. 145; Engerman, p. 178–179]. Ср. с очерком, написанным его российскими последователями: [Журавлева; Курилла].

ученых, по просьбе которых он написал не только историю изучения в СССР американской истории, но и историю собственной жизни. Это сочинение было опубликовано в 1980 г. в британском журнале американских исследований [Bolkhovitinov, 1980]. Для многих исследователей личность Н. Н. Болховитинова приобрела статус своеобразного «идеального типа» советского американиста, который вмещает все важнейшие характеристики советских экспертов по истории, политике и культуре США и является примером честного историка, и культурного посредника между российской и американской сторонами.

Список литературы

- Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 1011.
Болховитинов Н. Н. Личная переписка: 1987–1997 гг. (Письма, адресованные автору, находятся в его личном архиве).
Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М. : Наука, 1966. 638 с.
Болховитинов Н. Н. В архивах и библиотеках США: находки, встречи, впечатления // *Америк. ежег.* 1971. М. : Наука, 1971. С. 329–341.
Болховитинов Н. Н. О времени и о себе: заметки историка // *Историки России.* Вып. 1. М. : Наука, 1997. С. 70–79.
Болховитинов Н. Н. Воспоминания [М., б. г.]. [Рукопись, машинопись, 62 л. Нач. «Счастливая пора детства...»].
 Вспоминая Юдину / под ред. А. М. Кузнецова. М. : Классика-XXI, 2008. 310 с.
Ганелин Р. С. Россия и США, 1914–1917 : Очерки истории русско-американских отношений. Л. : Наука, 1969. 417 с.
Гуревич А. История историка. М. : РОССПЭН, 2004. 284 с.
Гутнова Е. В. Пережитое. М. : РОССПЭН, 2001. 462 с.
Журавлева В., Курилла И. «Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию между народами» : Памяти Николая Николаевича Болховитинова, человека и ученого // *Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций* / под ред. В. И. Журавлевой, И. И. Куриллы. Волгоград : Изд-во ВГУ, 2009. С. 370–400.
Комиссаров Б. Н. Ас отечественной американистики (к 70-летию Н. Н. Болховитинова) // *Русское открытие Америки* : сб. ст., посв. 70-летию акад. Николая Николаевича Болховитинова / под ред. А. О. Чубарьяна. М. : РОССПЭН, 2002. С. 5–36.
Куропятник Г. П. Россия и США – экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881. М. : Наука, 1981. 373 с.
Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы // отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2005. 487 с.
 Пламенеющее сердце : Мария Вениаминовна Юдина в воспоминаниях современников / под ред. А. М. Кузнецова. М. : Автокнига, 2009. 679 с.
Черкасов П. П. ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений : Портрет на фоне эпохи. М. : Весь мир, 2004. 572 с.
Adventures in Russian Historical Research : Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present / ed. by S. H. Baron, C. A. Frierson. Armonk ; N. Y. : M. E. Sharpe, 2003. 272 p.
Arbatov G. The System : An Insider's Life in Soviet Politics. N. Y. : Random House, 1992. 380 p.
Bolkhovitinov N. N. How I Became a Historian // *J. of Am. Studies.* 1980. Vol. 14, No. 1. P. 103–114.
Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / transl. by E. Levin. Cambridge ; Mass. : Harvard Univ. Press, 1975. 484 p.
Brown D. S. Richard Hofstadter : An Intellectual Biography. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2007. 216 p.
Dash B. L. A Defector Reports : The Institute of the USA and Canada. Falls Church, VA : Delphic Ass., 1982. 229 с.

- Engerman D. C. *Know Your Enemy : The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2009. 459 p.
- English R. *Russia and Idea of the West : Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War*. N. Y. : Columbia Univ. Press, 2000. 401 p.
- LaFeber W. *The New Empire : An Interpretation of American Expansion, 1860–1898*. Ithaca, N. Y. : Cornell Univ. Press, 1963. 444 p.
- Markwick R. D. *Rewriting History in Soviet Russia : The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974 / Raleigh D. J. (Foreword)*. N. Y. : Palgrave, 2001. 327 p.
- Nekrich A. *Forsake Fear : Memoirs of an Historian / transl. by D. Lineburgh*. Boston : Unwin Hyman, 1991. 293 p.
- Novick P. *That Noble Dream : The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1988. 648 p.
- Rediker M. *The Old Guard, the New Guard, and the People at the Gates : New Approaches to the Study of American History in the USSR // William and Mary Quarterly*. 3rd Ser. 1991. Oct. Vol. 48. P. 580–597.
- Rotblat J. *Scientists in the Quest for Peace : A History of the Pugwash Conferences*. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1972. 399 p.
- Russian/Soviet Studies in the United States, *Amerikanistika in Russia : Mutual Representations in Academic Projects / ed. by I. Kurilla and V. I. Zhuravleva*. Lanham, MD and Boulder, CO : Rowman and Littlefield's Lexington Press, 2015.
- Writers and Editors War Tax Protest // *New York Post*. 1968. Jan. 30.
- Zhuk S. I. 'Academic Détente': IREX Files, Academic Reports, and 'American' Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era // *Cahiers du monde russe*. Jan.-juin 2013. Vol. 54, No. 1–2. P. 297–328.

References

- ACLS: American Council of Learned Societies, Library of Congress, Manuscript Collection.
- Arbatov, G. (1992). *The System: An Insider's Life in Soviet Politics*. 380 p. N. Y., Random House.
- Arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Moscow State University Archive]. Stock 8 (Kafedra novoy i noveyshey istorii, mezhdunarodnye svyazi). L. 11–12. Dos. 1011.
- Arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Moscow State University Archive]. Stock 9. L. 8. Dos. 1011.
- Bolkhovitinov, N. (n. d.). *Lichnaya perepiska: 1987–1997 gg.* [Personal Correspondence: 1987–1997]. (Letters addressed to the author in his personal archive).
- Bolkhovitinov, N. N. (1980). How I Became a Historian, In. *J. of Am. Studies*, Vol. 14, No. 1, pp. 103–114.
- Bolkhovitinov, N. N. (1966). *Stanovlenie rusko-amerikanskikh otnosheny, 1775–1815* [The Establishment of Russo-American Relations, 1775–1815]. 638 p. Moscow, Nauka.
- Bolkhovitinov, N. N. (1969). "The Study of United States History in the Soviet Union". In *American Historical Review*, Vol. 74, No. 4, pp. 1221–1242.
- Bolkhovitinov, N. N. (1971). *V arkhivakh i bibliotekakh SSHA: nakhodki, vstrechi, vpechatleniya* [In US Archives and Libraries: Findings, Meetings, Impressions]. In *Amerikansky ezhegodnik. 1971* (pp. 329–341). Moscow, Nauka.
- Bolkhovitinov, N. (1975). On the Present State of American Studies in the Soviet Union. In Walker, Robert H. (Ed.). *American Studies Abroad* (pp. 101–108). Westport, Conn., Greenwood Press.
- Bolkhovitinov, N. (1980). How I Became a Historian. In *Journal of American Studies*, Vol. 14, No. 1, pp. 103–114.
- Bolkhovitinov, N. N. (1997). O vremeni i o sebe: zametki istorika [About Time and Myself: Notes of a Historian]. In *Istoriki Rossii, Iss. 1*, pp. 70–79. Moscow, Nauka.
- Bolkhovitinov, N. N. (2005). *Vospominaniya* [Memoirs]. 62 p. Moscow [Manuscript, typescript, 62 pages] (the original is in the keeping of Lyudmila Antonovna Bolkhovitinova, widow of N. N. Bolkhovitinov). The author used his copy.
- Butterfield, L. H. & Levin E. (Transl.). (1975). Introduction. In Bolkhovitinov, N. N. *The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815* (pp. 10–18). Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press.

- Cherkasov, P. (2004). *IMEMO. Institut Mirovoy Ekonomiki i Mezhdunarodnykh Otnosheniy. Portret na fone epokhi* [IMEMO. The Institute of World Economy and International Relations. A Portrait on the Background of the Epoch]. 572 p. Moscow, Ves'mir.
- Dash, B. L. (1982). *A Defector Reports: The Institute of the USA and Canada*. Falls Church, VA, Delphic Associates.
- English, R. (2000). *Russia and Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War*. 401 p. N. Y., Columbia Univ. Press.
- Gurevich, A. (2004). *Istoriya istorika* [The History of a Historian]. 284 p. Moscow, ROSSPEN.
- Gutnova, E. V. (2001). *Perezhitoe* [A Life Lived]. 462 p. Moscow, ROSSPEN.
- Komissarov, B. N. (2002). *As otechestvennoy amerikanistiki (k 70-letiyu N. N. Bolkhovitinova)* [An Ace among Russian Americanists (For the 70th Anniversary of N. N. Bolkhovitinov)]. In Chubar'yan, A. O. (Ed.). *Russkoe otkrytie Ameriki. Sbornik statey, posvyashchenny 70-letiyu akademika Nikolaya Nikolaevicha Bolkhovitinova* (pp. 5–36). Moscow, ROSSPEN.
- Kurilla, I. & Zhuravleva, V. I. (Eds.). (2015). *Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects*. 306 p. Lanham, MD and Boulder, CO, Rowman and Littlefield's Lexington Press.
- Kuznetsov, A. M. (Ed.). (2009). *Plameneiushcheie serdtshe: Mariia Veniaminovna Yudina v vospominaniyakh sovremennikov* [Burning Heart: Maria Venianimovna Yudina in Memoirs of Contemporaries]. 679 p. Moscow, Avtokniga.
- Kuznetsov, A. M. (Ed.). (2008). *Vspominaia Yudinu* [Remembering Yudina]. 310 p. Moscow: Klassika-XXI.
- Markwick, R. D. (Raleigh, D. J. (Foreword)). (2001). *Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974*. 327 p. N. Y., Palgrave.
- Zhuk, S. I. (2013). “‘Academic Détente’: IREX Files, Academic Reports, and ‘American’ Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era.” In *Cahiers du monde russe, Jan. – juin, Vol. 54, No. 1–2*, pp. 297–328.
- Zhuravleva, V. & Kurilla, I. (Eds.). (2009). “‘Ne razzhigat' vrazhdu, a sposobstvovat' vzaimoponimaniyu mezhdu narodami,’ Pamiati Nikolaiia Nikolaevicha Bolkhovitonova, cheloveka i uchenogo” [‘Not to Foment Enmity, but to Promote a Better Understanding Between Peoples’: In Memory of Nikolai Nikolaevich Bolkhovitinov, a Man and a Scholar]. In *Rossii i SSHA na stranitsakh uchebnikov: opyt vzaimnykh reprezentatsii* (pp. 370–400). Volgograd, Izd-vo VGU.

The article was submitted on 05.08.2016